

И. ВАСИЛЕВСКИЙ (НЕ-БУКВА)

Сказки жизни

I

Тридцать лет и три года сидел в заточении Магомет, тридцать лет и три года сидел на троне «кровавый султан» Абдул-Гамид¹. Все было благополучно. Молчали, скрывая трупы, тихие вдовы Босфора, молчали, скрывая муки, «молчали, ибо благоденствовали», народы Турции.

Все было благополучно. Но неизменно и непрерывно совершался неведомый процесс. Что-то нарастало в умах и душах... Умерло что-то старое и отжившее и неожиданно народилось что-то новое и молодое, и вот плавно совершился на наших глазах поворот колеса истории.

Освобожден и возведен на трон тридцать три года по воле Абдул-Гамида протомившийся в заточении Магомет. Низложен и ввергнут в заточение грозный Абдул-Гамид.

Абдул-Гамид и Магомет поменялись местами. Всего только. Есть такая детская игра — в свои углы. Есть такая фигура смены мест и в кадрили. В истории народов эта странная игра, эта воистину кадильная фигура, называется — *соотношение сил*. Так говорят историки от Фукидида до П. Н. Милюкова.

II

Изменилось соотношение сил, и вот нет больше места на троне «кровавому султану» Абдул-Гамиду. На его место выбран новый неведомый пришелец.

Как поведет себя новый избранник?

Три мужика, три добрых пейзажа земли русской, говорит легенда, обсуждали, как повел бы себя каждый из них на месте Магомета.

— Если бы меня выбрали, я б сто рублей украл и удрал! — сказал первый мужик.

— Не-ет, я бы не удирал, — мечтательно щуря глаза, сказал другой, — я бы целый день на мягкой перине лежал и с самого утра до вечера сало ел.

— Это что! Конечно, и это хорошо, — сказал третий, — только я б не так... Я б сразу возле ворот сел. Как кто мимо — в зубы, как кто мимо — в зубы.

III

Так, если верить легенде, — ибо когда вместо красивых легенд жизнь приносит пошлые анекдоты, только и остается из анекдотов делать легенды, — так рассуждали три добрых мужика.

Я думаю, впрочем, что они уже не мужики. Ясно, что теперь они не занимаются земледелием. Тот, кто мечтал сесть у ворот и «как кто мимо — в зубы», сделался, очевидно, критиком. Мечтавший о том, чтобы «сто рублей взять и удрать», занимает ныне видное положение и уже успел оказать много услуг дорогому отечеству путем поставок и подрядов по интендантской части. И даже третий, тот третий, чьи мечты не шли дальше пуховой перины и сала, которое можно с утра бесконечно есть, — даже он выдвинулся. Это видный лидер партии центра, и вся его энергия уходит теперь на энергичное осуществление коренных реформ.

Так мудро устроила судьба. С этим ничего не поделаешь, ибо карьера всех троих — это не что иное, как все то же вековечное соотношение сил. Героем дня является теперь тот из трех, кто, сладострастно скашивая глаза, вдохновенно мечтал:

— Я бы сразу возле ворот сел. Как кто мимо — в зубы, как кто мимо — в зубы.

Этот вдохновенный мечтатель теперь герой дня. О нем говорят, говорят, ломают копья и полемизируют, как печатно, так и непечатно, хотя и в печати.

Это он — автор сборника «Вехи». Струве, Франк, Бердяев, Кистяковский — это все псевдонимы. Настоящий автор — это он, тот, третий, кто, торжественно подняв правую руку и мечтательно глядя вдаль — возглашал:

— Как кто мимо — в зубы, как кто мимо — в зубы.

IV

Бедного мечтателя, выступившего теперь со сборником «Вехи», жалко. Жалко и потому, что его мечта: «как кто мимо — в зубы» — осуществилась наоборот. Не мечтатель попадал в зубы прохожим, а, наоборот, все прохожие шпыняли в зубы его, грустно сидящего у ворот. Жалко и потому, что, как ни относиться к «Вехам», но в них много правды — этого нельзя не признать!

Не так, не тогда, не по адресу, не по времени высказана эта правда. Не принято во внимание главное: соотношение сил нашей эпохи. Вспоминается почему-то любопытный курьез, происшедший несколько лет назад с Карабчевским².

Знаменитый адвокат ехал на защиту в Курск. Поезд приходил туда ранним утром, и, зная, как трудно разбудить его, — Карабчевский много раз предупреждал кондуктора:

— Так вы уж будьте добры, разбудите меня не позже пяти. Что бы я ни говорил, как бы ни отговаривался — вы не отставайте. Хоть силой из вагона выставьте. Только бы мне Курска не проехать...

Гудит поезд, стучат колеса, бегут станции. В 10 часов только сам, без постороннего вмешательства, проснулся Карабчевский. Взглянул на часы — обмер: далеко позади остался, оказывается, Курск.

— Что у вас голова на плечах или котел пустой? — набросился он, взволнованный и разъяренный, на кондуктора, — русским вам языком говорили, во что бы то ни стало в Курске высадить! Что вы сумасшедший, что ли!

Вступилась за кондуктора публика.

— Что ж вы молчите? — спрашивают.

— Вас как ругают, а вы только знаете — молчите.

— Это что, — мрачно ответил кондуктор. — Это разве ругань! Вон тот актер, которого я в Курске, вместо этого по ошибке, силой выставил, — тот действительно ругался.

Бедный кондуктор был, собственно говоря, не виноват. Бритое лицо Карабчевского ввело его в обман. Он очень старался, но в результате его стараний ехавший на юг актер был насильно высажен в Курске, а торопившийся по важнейшему делу в Курск Карабчевский был завезен далеко на юг.

— Эх-ма! Не того высаживал! — говорит кондуктор...

— Эх-ма! Не тех высаживают нападающие на интеллигенцию авторы «Вех».

Все злились на старательного кондуктора. Результаты получились унылые.

«Как кто мимо — в зубы» — обернулось обратной стороной.

Много настоящей и ценной правды в сборнике «Вехи». Но «не тех высаживают» ополчившиеся на бой, забывшие о соотношении сил авторы, и не по адресу, и не ко времени оказываются их слова...

(Всемирная панорама. 1909. № 7. 5(18) июня)

